

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ. АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

(Изложение дано в сокращенном виде)

Я родился в слободе Ямской, при самом Воронеже. Уже десять лет тому назад Ямская чуть отличалась от деревни. Деревню же я до слез любил, не видя ее до 12 лет. В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на задонской большой дороге. Колокол «Чугунной» церкви был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я. А по праздникам (мало-мальски большим) устраивались свирепые драки Ямской с Чижевской или Троицкой (тоже пригородные слободы). Бились до смерти, до буйного экстаза, только орали: «Дай дух!»...

Потом наступило для меня время ученья — отдали меня в церковно-приходскую школу. Была там учительница — Аполлинария Николаевна, я ее никогда не забуду, потому что через нее я узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека, родимого «всякому дыханию», траве и зверю, а не властвующего бога, чуждого буйной зеленой земле, отделенной от неба бесконечностью... Потом я учился в городском училище. Потом началась работа. Работал я во многих местах у многих хозяев. У нас семья была одно время в 10 человек, а я старший сын — один работник, кроме отца. Отец же, слесарь, не мог кормить такую орду.

Я забыл сказать, что, кроме поля, деревни, матери и колокольного звона, я любил еще (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину, ноющий гудок и потную работу. Я уже тогда понял, что все делается, а не само родится¹.

1922 г.

---

¹ Платонов А.П. Избранное. М.: Просвещение, 1989. С. 18.

СОВРЕМЕННОКИ ОБ АНДРЕЕ ПЛАТОНОВЕ

Ф. Сучков

...У Платонова нет выражений, которые заставили бы испытать брезгливость. Между тем автор не гнушается поведать о любом естественном действии. Он описывал и рождение человека, и жалкость любовного удовлетворения, и всякий раз у него находились удобочитаемые, выражающие суть слова. Это означает — дело не в ситуации, описываемой художником, а в том, как он мыслит и чувствует. Это означает также, что красный свет семафора, преграждающий пешеходам и водителям путь на всех дорогах, в художественном творчестве оказывается именно тем цветом, который не отталкивает, а, напротив, привлекает внимание, зовет к себе.

На красный свет шел Платонов во всех своих работах, и, на радость всем нам, чистота понимания человеческой души, святое отношение к описываемым явлениям были у него равны писательскому размаху. Это и обеспечило исключительную красоту, редкую человечность удивительной прозы Платонова. Теперь эта проза наша. Она стала частью России.

Не наветы, не огульное безоглядное осуждение современной ему действительности занимало А. Платонова. Его интересовала жизнь без разделения ее искусственным путем на так называемые темные и светлые стороны. Будучи настоящим художником, он отражал все ее грани... И это закономерно. Будь наоборот, он бы не стал тем явлением в литературе, о котором мы говорим сейчас.

Платонов видел в жизни и страдания, и мрак, но видел и то, что способно этому противостоять. Вспомним подлинно человеческое разрешение конфликта в рассказе «Возвращение». Я утверждаю: платоновская проза оптимистична...

Произведения Платонова... надо рассматривать не с сугубо идеологических позиций, а как явление литературы, явление культуры..., помня, что художественные произведения называются таковыми не потому, что они устраивают нас в философском, нравственном и ином виде, а потому, что эстетическая основа их несокрушима, она результат подлинного творческого акта²...

В. Верин

Зачем нам нужен Платонов? И что он вносит в нашу сегодняшнюю литературу?

Во-первых, мы должны впитать в себя опыт судьбы Платонова, прожить такую жизнь в такое время, претерпеть нищету, мытарства, личную неприязнь Сталина со всеми вытекающими из этого последствиями, арест и смерть сына, враждебную волну критики и никогда, ни единым словом не солгать, не приспособиться, а работать и работать «в стол», для будущих поколений — этот нравственный урок должен войти в наше общественное сознание.

Во-вторых, Платонов именно сейчас настолько современен, как, может быть, ни один из писателей его поколения. Появляется ощущение, что он не столько из прошлого, сколько из будущего говорит с нами, объясняя нам историю и перспективы наших вчерашних болей и бед. С А. Платоновым в литературу вошел необычайно высокий уровень социальности художественного слова. На ограниченном пространстве фразы..., абзаца или художественной ситуации он поднимается до создания социальных символов и моделей мира, общества, государства. В сатирической пьесе «Шарманка» есть маленькая ремарка, в которой говорится о кооперативе по «организации рачьих пучин». На сцене должна стоять пушка для стрельбы по птицам, расклеивающим зерна на полях. Пушка эта выстрелила всего один раз, и то в обратную сторону, потому что ствол был завешен лозунгом. Трудно представить себе более реальный символ бюрократической системы, бюрократической организации вообще³.

---

² Андрей Платонов сегодня // Литературная газета. 1987, 23 сентября.

³ Там же.

В. Акимов

Художественный язык Платонова сложен и самобытен. Читать его бывает нелегко. Необычно порой его слово, зачерпнутое из живого моря народной речи. Необычен жанровый облик его прозы. Бытовое и условное, житейски обычное и аллегорическое, психологизм и сказка, притча и сатира, поучение — все формы необходимы Платонову и нередко существуют у него в неповторимых и непривычных сплавах. И во всех формах он стремится выразить духовный сюжет, объемлющий главные вопросы жизни человеческой, заботы, тревоги, открытия и надежды людей. Как художник и гражданин он не упрощал картины жизни, не давал себе отдыха от ее проблем. Он непременно шел в бой за счастье человека в сложном и трудно меняющемся к счастью мире⁴.

Ю. Нагибин

Андрея Платонова хоронили в начале января 1951 года на Ваганьковском кладбище в сыроватый, какой-то не январский, а скорее мартовский, серый, с редкими пробоями синевы и света день. У рыжей отверстой могилы, над гробом, где лежало обобранное болезнью, неправдоподобно узенькое, худое тело — крупен и мощен оставался лишь высокий чистый свод лба и темени, — писатель Вячеслав Ковалевский, с темными, заплаканными глазами и детским затылком, говорил ясным, твердым от скорби голосом.

— Андрей Платонович!.. Андрей Платонович!.. — это звучало, как зов, который может быть услышан, да и был, верно, услышан — кто знает? — Андрей Платонович, прощай. Простое русское слово «прощай», «прости» я говорю в прямом смысле. Прости нас, твоих друзей, любивших тебя сильно, но не так, как надо было любить, прости, что мы не помогли тебе, не взяли на себя хоть часть твоей ноши. Андрей Платонович, прости!..

А когда гроб на таях опустили в рыже-отверстую глубину последнего успокоения Платонова, вперед прорвался некий литературный человек, от которого покойный не видел добра, и неловким, женским

---

⁴ Акимов В.Н. Рабочий класс — это моя Родина // А. Платонов. В прекрасном и яростном мире. Л.: Лениздат, 1979. С. 414.

движением, от кисти, швырнул в могилу горсть влажной земли; его жест обрел значительность символа: последний комок грязи, брошенный в Платонова⁵.

М. Горький

Человек вы (обращено к Платонову. — *В.С.*) — талантливый, это бесспорно, бесспорно и то, что вы обладаете очень своеобразным языком⁶.

А. Битов

Платонов нам только-только предстает. Он нам еще только предстоит, — ибо то, что было внешней преградой (запретом), стало преградой внутренней (собственный духовный потенциал). Надо восходить⁷...

С. Залыгин

Когда читаешь Платонова, невольно думаешь о слове: вот еще, оказывается, как это слово можно употребить, как и какую мысль им можно выразить!..

Платонов как бы некий упрек нам — людям с обычным языком и обычными понятиями⁸.

---

⁵ Нагибин Ю. По пути в бессмертие. М.: АСТ, 2004. С. 65.

⁶ Письмо Горького А. Платонову от 18 сентября 1929 года // Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 176.

⁷ Андрей Платонов сегодня // Литературная газета. 1987, 23 сентября.

⁸ Залыгин С.П. Об этой книге // Платонов А. Сухой хлеб. М.: Детская литература, 1991. С. 4.

«СЕЯТЬ ДУШИ В ЛЮДЯХ»

ПРОБЛЕМАТИКА, ПОЭТИКА РОМАНА «ЧЕВЕНГУР», ПОВЕСТЕЙ «КОТЛОВАН», «ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ»

Единственная надежда для всей измощенной косности — это пробиться через истину человеческого сознания.

А. Платонов. Ювенильное море

Десятилетие с 1925 по 1935 г. считается самым плодотворным периодом в жизненной судьбе А. Платонова. В этот период им написаны основные произведения: роман «Чевенгур» (1927); повести «Котлован» (1929—1930), «Ювенильное море» (1934), «Джан» (1933—1935), «Впрок» («Бедняцкая хроника») (1929—1930), «Епифанские шлюзы» (1926); рассказы «Усомнившийся Макар» (1929), «Мусорный ветер» (1934—1935), «Лунная бомба» (1926); «Песчаная учительница» (1927); в соавторстве с Б. Пильняком написан философский очерк «Че-Че-О».

Все перечисленные произведения полны глубокого философского смысла; подчас гротескные, аллегорические по форме, они отражают главные мотивы в художественном мире «самого метафизического советского писателя» (С. Семенова) — «поиски истины», «смысла отдельного и общего существования», благотворного воздействия людей в процессе преобразования мира, чтобы, по мысли Платонова, не жить, как собака, «благодаря одному рождению». Во всех этих произведениях автор пристально вглядывается в свою эпоху, эпоху революционных преобразований, и все то, что тревожит его, в полной мере созвучно нашим сегодняшним тревогам и волнениям. Сохранилась запись в дневнике Платонова, которая является ключом к раскрытию пафоса его произведений: «Все возможно — и удастся все, но главное — сеять души в людях» (подчеркнуто нами. — *В.С.*).

У всех перечисленных произведений трудная судьба. После яркого дебюта в 1927 г., когда в Москве в издательстве «Молодая гвардия»

вышел сборник повестей и рассказов Платонова «Епифанские шлюзы», о нем заговорили как о зрелом мастере слова. Книга имела успех, ее заметили и читатели, и критики. Однако после напечатания сатирических рассказов «Государственный житель», «Усомнившийся Макар», очерка «Че-Че-О», повести «Впрок» (напечатана в 1931 г. в журнале «Красная новь»), раскрывающих паразитизм набирающей силу и перспективу бюрократии в нашей стране, Платонова обвиняют во всех смертных грехах, наклеивают ярлык классового врага, правоуклониста, антисоветского писателя, подвергают резкой несправедливой критике. Сигнальная ракета для травли была пущена могущественным врагом и гонителем всех художников слова, не угождающих тоталитарному режиму; сталинской рукой на рассказе «Впрок» в журнале было написано «подонок». А. Фадеев, редактор «Красной нови», давший высокую оценку повести «Впрок», прочитанной им еще в рукописи, после ее публикации обрушится на Платонова со статьей «Кулацкая хроника» (Известия. 1931, 3 июля), объявив ее вылазкой «классового врага».

Сокрушительной критике подвергся и рассказ «Усомнившийся Макар», напечатанный в 6-м номере журнала «Октябрь» в 1929 г. Теоретик РАППа Леопольд Авербах в статье «О целостных масштабах и частных Макарах», опубликованной в журнале «На литературном посту», с особенной нетерпимостью отнесся к платоновскому гуманизму. «К нам приходят с пропагандой гуманизма, как будто есть на свете что-либо истинно человеческое, чем классовая ненависть пролетариата», — возмущался он.

Платонова перестали печатать. Лишь в 1934 г. в периодике появляются два его небольших рассказа — «Любовь к дальнему» и «Тақыр». Не помогло Платонову и письменное обращение к М. Горькому от 12 сентября 1929 г. с просьбой прочитать рукопись «Чевенгура» и «помочь тому, чтобы она была напечатана, — если рукопись заслуживает этого». «...Ее не печатают, говорят, что революция в романе изображена неправильно, что все произведение поймут даже как контрреволюционное. Я же работал совсем с другими чувствами»⁹ (подчеркнуто

---

⁹ Платонов А.П. Мне это нужно не для славы // Вопросы литературы. 1988. № 9. С. 176.

нами. — В.С.), — вызывает Платонов к Горькому. Горький же мягко, но решительно откажет А. Платонову в поддержке. В письме к Платонову от 18 сентября 1929 г. Горький высоко оценит роман «Чевенгур», но отметит, что вряд ли его издадут: «Но, при неоспоримых достоинствах работы Вашей, я не думаю, что ее напечатают, издадут. Этому помещает анархическое Ваше умонастроение, видимо, свойственное природе вашего “духа”. Хотели Вы этого или нет, — но придали освещению действительности характер лирико-сатирический, это, разумеется, неприемлемо для нашей цензуры», — напишет он.

Долгие годы писатель находился на краю бедности, претерпел нищету, личную неприязнь Сталина, арест и смерть сына, но никогда не приспособился, ни единым словом не солгал, смело писал о дегуманизации социалистических идей, о превращении человека из цели в средство общественного прогресса, писал о вытеснении личности обезличенными интересами; предостерегал о том, что слепая вера, не пропущенная через сомнение, собственное сознание, творит фанатиков, сеет разрушение. Сошлемся на отрывок из рассказа «Усомнившийся Макар». Герой рассказа Макар Ганнушкин прибывает из деревни в Москву, чтобы добывать себе жизнь «под золотыми куполами» «храмов и вождей» (подчеркнуто нами. — В.С.). В ночлежном доме он обращается к уставшему за день пролетариату с упреками за технические «непорядки» и «утраты ценностей». И пролетариат, «кто с хлебом, кто без него, кто больной, кто уставший, явно не чувствующий себя счастливым, прокричал из дальнего угла некие слова, и Макар их услышал, как ветер: — Нам сила не дорога — мы и по мелочи дома поставим, — нам душа дорога. Раз ты человек, то дело не в домах, а в сердце. Мы здесь все на расчетах работаем, на охране труда живем, на профсоюзах стоим, а друг на друга не обращаем внимания — друг друга закону поручили... Дашь душу, раз ты изобретатель»¹⁰.

За «общими масштабами» видеть «частных Макаров» призывает писатель и в очерке «Че-Че-О». В уста Федора Федоровича, ветерана железнодорожных мастерских, природного философа, положившего

¹⁰ Платонов А.П. Усомнившийся Макар // Платонов А.П. Государственный житель. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 115.

начало когорте «сокровенных людей» в платоновском художественном мире, вкладывает писатель свои мысли: «А ведь это сверху кажется — внизу масса, а тут отдельные люди живут». Явственно звучит в очерке и авторский голос, напрямую выражающий идеи «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова, оказавшего огромное влияние на становление нравственно-этических воззрений писателя: «Первостепенным остается изготовление вещей, ослабление губительных действий природы и поиски путей друг к другу; в последнем — и в дружестве — и заключается коммунизм: он есть как бы напряженное сочувствие между людьми»¹¹.

Разящая сатира А. Платонова, повлекшая шквальный огонь враждебной рапповской критики, была вызвана временем и поисками Платонова «путей к человечеству-организму» (А. Платонов. «Равенство в страдании»).

Реальный символ бюрократической системы создан писателем в пьесе «Шарманка» (написана в 1930 г., опубликована впервые в № 1 журнала «Театр» за 1988 г.). В маленькой ремарке говорится о кооперативе по «организации рачьих пучин». На сцене должна стоять пушка для стрельбы по птицам, расклевающим зерна на полях. Пушка эта выстрелит всего один раз, и то в обратную сторону, потому что ствол был завешен лозунгом. Символом командно-административной системы, прикрывающейся социальными лозунгами, станет и подвал статбюро со сваленными документами: «крысомора нету — теперь звери всю бумагу поедят», и паровоз, «ведущий историю», который неминуемо сгорит «от форсированной работы», так как «тащит поезд волокитой на зажатых тормозах», «бюрократизм зажал колеса революции» (подчеркнуто нами. — В.С.).

Об органическом единстве нравственного смысла и художественной формы произведений А. Платонова, о его произведениях как явлениях литературы, явлениях культуры, эстетическая основа которых несокрушима, писал К. Паустовский в «Книге скитаний». Сошлемся на его оценку: «Когда мне впервые попал один из рассказов Платонова

---

¹¹ Платонов А.П. Че-Че-О // Платонов А. Впрок. М.: Художественная литература, 1990. С. 649.

и я прочел фразу: “Тихо было в уездной России”, — у меня сжалось горло: так это было хорошо.

У Платонова есть маленький рассказ “Июльская гроза”. Ничего более ясного, классического и побеждающего своей прелестью я, пожалуй, не знаю в современной нашей литературе. Только человек, для которого Россия была его вторым существом, как изученный до последнего гвоздя отчий дом, мог написать о ней с такой горечью и сердечностью. Платонов... ни разу не погрешил против своей писательской совести»¹².

В годы Великой Отечественной войны А. Платонов работал военным корреспондентом «Красной звезды». Опубликованный в 1946 г. в журнале «Новый мир» один из лучших рассказов писателя «Возвращение» вызвал новую волну отрицательных рецензий, после чего путь произведениям Платонова был практически закрыт вплоть до его смерти в 1951 г.

Каждая строка этого рассказа — это предельность сопереживания, это «поиск человеческого в человеке» (А. Платонов), это напоминание людям о том, что «взрослые должны шагать впереди детей» («Котлован»), мужчина должен стать опорой жене и детям. Метафорическая структура «обнаженного сердца» придает рассказу «дополнительную емкость» (Л. Шубин). Вслушаемся в текст: «Он узнал вдруг все, что знал прежде, гораздо точнее и действительнее: прежде он чувствовал чужую жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем»¹³. Критик В. Ермилов, без каких-либо объективных оснований назвавший рассказ «Возвращение» «клеветническим»¹⁴, в 1964 г. отзовется о прежней оценке рассказа как о своей серьезной ошибке: «Я не сумел войти в своеобразие художественного мира А. Платонова, услышать его особенный поэтический язык, его грусть и его радость за людей. Я подошел к

¹² Паустовский К.Г. Книга скитаний. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1978. С. 406.

¹³ Платонов А.П. Возвращение // Платонов А.П. Собр. соч.: в 2 т. М.: Художественная литература, 1978.

¹⁴ Ермилов В.А. Клеветнический рассказ А. Платонова // Литературная газета. 1947, 4 января.

рассказу с абстрактными мерками, далекими от реальной сложности жизни и искусства»¹⁵, — сознается он.

Годы хрущевской оттепели были годами второго рождения писателя. Издательство «Художественная литература» выпускает в 1978 г. двухтомное собрание сочинений, позже выходит в свет и трехтомное собрание сочинений Платонова. И только с 1986 г. начинается его «третье рождение». В июньском номере журнала «Знамя» было опубликовано «Ювенильное море», в «Новом мире» в 1987 г., также в июньском номере, печатается «Котлован» и в «Дружбе народов» в 1988 г. напечатан «Чевенгур» — «доминирующая гряда» (С. Семенова) в уникальном творческом материале Платонова.

Время написания «Котлована» точно обозначено писателем: декабрь 1929 г. — апрель 1930 г. «Котлован» опубликован в 1987 г., в Америке же он был напечатан в 1973 г. издательством «Ардис» с предисловием И. Бродского.

Ткань повествования «Котлована» сплетена из разных нитей, которые ведут начало от тем смысла жизни, смерти и воскресения, насилия и свободы, исторического пути России, контакта поколений, личности и общества, свободы и рабства. Они тесно переплетены между собой и ощущаются во взаимном сочетании.

Главный конфликт повести — это конфликт мысли и слепой веры. Повесть начинается с мотива дороги, который, как и в «Чевенгуре», и в «Ювенильном море», является структурообразующим. Тридцатилетний Воцев, уволенный с небольшого механического завода, отправляется в дорогу искать «истину», «душевный смысл жизни». Раскрывается и причина увольнения: «он (Воцев. — В.С.) устраняется с производства вследствие роста слабосильности и задумчивости среди общего темпа труда». Поиски «душевного смысла жизни» для Воцева заключаются в решении вопроса: «Полезен ли он в мире или все без него благополучно обойдется?»¹⁶.

Воцев не хочет жить благодаря «одному рождению», «скучно, как собака». В завкоме происходит диалог, очень важный для раскрытия

---

¹⁵ Левин Ф.М. Связь времен. Беседа с критиком Е. Ермиловым // Литературная газета. 1964, 17 октября.

¹⁶ Платонов А.П. Котлован. М.: Современник, 1988. С. 4.

конфликта, выявляющего суть и идейное содержание «Котлована». «Ты стоял и думал среди производства, — сказали в завкоме. — О чем ты думал, товарищ Вошев? — О плане жизни. <...> — Счастье произойдет от материализма, товарищ Вошев, а не от смысла. <...> ты бы и жил — молчал! Если все мы сразу задумаемся, то кто действовать будет?»¹⁷.

Мысли Вошева сосредоточены на тех же вопросах, что у пролетариата в «Усомнившемся Макаре»: «о душевном смысле», о доброжелательности между людьми, о поисках души и путей человека к другому человеку. «Как лучше организовать жизнь? В чем смысл человеческой деятельности?» Голос в завкоме, вслушивающийся только в указания «администрации» («администрация говорит»), напоминает и голос бюрократа Умрищева из «Ювенильного моря» с его девизом — «...не суйся». Умрищев ограждает себя от противоречий жизни, защищаясь партбилетом. На вопрос секретаря райкома: «Сколько у вас выдаивалось из совхозных коров молока руками окрестных кулаков и зажиточных единоличников, сколько племенных совхозных коров кулаки обменяли на свой беспородный скот?» — Умрищев ответит демагогически: «Я в этот счет не вмешивался <...> я ношу при себе билет члена партии! Ты, брат, особо-то не суйся! <...> Я... книг начитался... исторически хочу»¹⁸.

Авторский голос в разрешении конфликта: «Без думы люди действуют бессмысленно»¹⁹.

Своеобразие композиции «Котлована» заключается в использовании вставных новелл как способа углубления содержания и в том, что одна сюжетная плоскость внезапно, разорванно сменяется другой.

Платонов постоянно пользуется приемом «смещение плоскостей» (Е. Замятин); повествование о строительстве котлована в городе прерывается повествованием о коллективизации в деревне, вставными новеллами. Такая сложность композиции обусловлена многоплановостью тем, их значительностью, художественным осмыслением идей «Философии общего дела» Н. Федорова, необходимостью использования

¹⁷ Платонов А.П. Котлован. М.: Современник, 1988. С. 6.

¹⁸ Платонов А.П. Ювенильное море. М.: Современник, 1988. С. 25.

¹⁹ Платонов А.П. Котлован. М.: Современник, 1988. С. 8.

эзоповского языка. Произведение написано в годы, когда за свои книги писатели расплачивались не только свободой, но и жизнью. Времена жесточайшей цензуры вынуждают Платонова прибегнуть к усложненной форме повествования, к словесным оборотам, использованию образов-понятий, метафор, символов, библейской лексики.

Повесть состоит из двух хронотопов: городского и деревенского пространств, объединенных одним временем «бега в социализм», временем выполнения первого пятилетнего плана, построения фундамента социалистической экономики, коллективизации, окончательного вытеснения из города и деревни капиталистических элементов. Сошлемся на текст: «Сельские часы висели на деревянной стене и терпеливо шли силой тяжести мёртвого груза; розовый цветок был изображен на обличье механизма, чтобы утешать всякого, кто видит время. Мастеровые сели в ряд по длине стола, косарь... нарезал хлеб и дал каждому человеку ломоть, а в прибавок еще по куску вчерашней холодной говядины. Мастеровые начали серьезно есть, принимая в себя пищу как должное, но не наслаждаясь ею. Хотя они и владели смыслом жизни, что равносильно вечному счастью, однако их лица были угрюмы и худы, и вместо покоя жизни они имели измождение. Воцев со скупостью надежды, со страхом утраты наблюдал этих грустно существующих людей...». Обратим внимание на емкие эпитеты, используемые автором при описании строителей: «терпеливые к жизни», «трудоспособные», «грустно существующие», «терпеливые руки», «усталые, недумаящие люди».

А вот описание деревни во время коллективизации. Описание дано в восприятии того же Воцева, ищущего «смысл жизни», «вещество радости», и строителя котлована Чиклина: «Вблизи была старая деревня; всеобщая ветхость бедности покрывала ее — и старческие, терпеливые плетни, и придорожные, склонившиеся в тишине деревья имели одинаковый вид грусти... На краю колхоза стоял Организационный Дом, в котором активист и другие ведущие бедняки производили обучение масс; здесь же проживали недоказанные кулаки и разные проштрафившиеся члены коллектива, одни из них находились на дворе за то, что впали в мелкое настроение сомнения, другие — что плакали во время бодрости и целовали колья на своем дворе, отходящие в обоб-

ществование <...>. В Оргдоме горел огонь безопасности — одна лампа на всю потухшую деревню»²⁰.

Реальные события строго определены временем и пространством. Содержание книги посвящено судьбе России, скрытой в символических образах, в метафорах. Социалистический проект в городе состоит в разрушении «векового грунта» и в строительстве «единственного общепролетарского дома вместо старого города», в перспективе же — строительство «в середине мира башни, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли»²¹. При этом автор подчеркивает, что для разрушителей «грунт был мертв», они его «ломают»: «...Чиклин спешно ломал вековой грунт, обращая всю свою жизнь в удары по мертвым местам. Упраздняя старинное природное устройство, Чиклин не мог его понять»; а для «думающих», таких как Воцев, это «залегший мир, спрятавший в своей темноте истину своего существования».

Социалистический проект в деревне состоит в создании колхоза и ликвидации «неорганизованных», «неясных элементов», «кулацкого класса» и вообще «сволочи». Вслушаемся в текст, с какой болью пишет автор о классовой нетерпимости: «По слову активиста кулаки согнулись и стали двигать плот в упор на речную долину. Жачев же пополз за кулачеством, чтобы обеспечить ему надежное отплытие в море по течению и сильнее успокоиться в том, что социализм будет, что Настя получит его в свое девичье приданое. <...> Кулачество глядело с плота в одну сторону — на Жачева; люди хотели навсегда заметить свою родину и последнего, счастливого человека на ней»²².

«Котлован» по жанру — антиутопия. В повести сочетаются миф и реальность. Сквозь условный художественный мир показана реальная Россия конца 29-го — начала 30-х годов. Писатель создает в повести условно-экспериментальную обстановку, где проводит исследование глубинных законов жизни. Глубинный социально-философский смысл можно выразить словами Ф.М. Достоевского из его фантастического

²⁰ Платонов А.П. Котлован. М.: Современник, 1988. С. 75.

²¹ Там же. С. 34.

²² Там же. С. 87—93.

рассказа «Сон смешного человека»: «“Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья” — вот с чем бороться надо»²³.

Каждый реальный шаг строителей «общепролетарского дома» в «Котловане» разрушает иллюзии на обретение счастья и гармонии. Рушатся надежды, силы уходят, работа изматывает. Умирает голодной смертью «буржуйка», мать девочки Насти. Образ «буржуйки», как и образ ее дочери, — символический. «Верево́чка через темя и подбородок держала ее уста сомкнутыми, длинные, обнаженные ноги были покрыты густым пухом, почти шерстью, выросшей от болезней и бесприютности, — какая-то древняя, ожившая сила превращала мертвую еще при ее жизни в обрастающее шкурой животное»²⁴. Мотив обрастания человека шерстью, превращения его в животное — символ оскудения человечности в обществе, построенном на тоталитаризме и классовой ненависти, как и в рассказе Е. Замятина «Пещера». В «Котловане» этот мотив звучит не один раз. У мужика Елисея, который уже и «думать не мог.., жил и глядел лишь оттого, что имел документы середняка», спина обрасталала «защитной шерстью».

Смерть девочки Насти, «элемента будущего», которую зарывают в котлован, обозначает гибель надежды. Ребенок в контексте повести — это «время, созревающее в свежем теле»; смерть ребенка — конец утопии, эта смерть олицетворяет непришедшее время. «Вощев стоял в недоумении над этим умершим ребенком; он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением».

Сопоставим раздумья Вощева в «Котловане» с мыслями Копенкина в «Чевенгуре», также присутствующего при смерти ребенка: «Какой это коммунизм? — окончательно усомнился Копенкин и вышел на двор, покрытый сырою ночью. — От него ребенок ни разу не мог вздохнуть, при нем человек явился и умер. Тут зараза, а не коммунизм...». Платонов преемствует и развивает традиции Ф.М. Достоевского — поверять

---

²³ Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 12. С. 521.

²⁴ Платонов А.П. Котлован. М.: Современник, 1988.

нравственность общества, человека «слезинкой ребенка»: общество несостоятельно, если гибнет ребенок. «Насколько окружающий мир должен быть нежен и тих, чтобы она (ребенок, девочка Настя. — В.С.) была жива!» — слышим мы авторский голос в «Котловане».

Своеобразие художественного мастерства Платонова заключается в индивидуальной манере письма, умелом использовании изобразительных средств языка, символов, легенд, притч, реминисценций, вставных новелл, мотивов сна, лирического описания природы, юмора, иронии, гротеска для постановки философских, этических, социальных проблем. Ценность «Котлована», «Ювенильного моря», «Чевенгура» в единстве формы и содержания, и в нравственном смысле, и в совершенстве художественной формы. И справедлива мысль Ф. Сучкова, писателя, лично знавшего Платонова, что «произведения Платонова надо рассматривать не с сугубо идеологических позиций, а как явления культуры наших десятилетий»²⁵.

Для развенчания утопии, мифов Платонов использует всевозможные детали, картины, религиозную символику. Иносказательный характер несет религиозная символика. После ликвидации кулаков и смерти Насти Жачев скажет: «Я теперь ни во что не верю», а автор подчеркивает: «...ответил Жачев в это утро второго дня». Сопоставим эту фразу с текстом «Ветхого Завета»: «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй»²⁶. Религиозная символика означает гибель надежды, разрушение иллюзии. Название повести «Котлован» тоже носит метафорический характер. Гибелью ребенка, которого закапывают в котлован, Платонов говорит о несостоятельности строительства гармонического общества, создаваемого на насилии, социальном неравенстве, где человека рассматривают как винтик, как объект, как безымянное существо. Итак, «Котлован» — это метафора, разрушающая иллюзии тех, кто готов «жить ради энтузиазма»²⁷.

²⁵ Андрей Платонов сегодня // Литературная газета. 1987, 23 сентября.

²⁶ Библия. Книга Ветхого Завета. М., 1989. Гл. 6, 7, 8. С. 1.

²⁷ Платонов А.П. Котлован. М.: Современник, 1988.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru